

ДЖЕЙМС БРЕТТ

В чем правда, Бретт?

Джеймс Бретт о художниках-самоучках, Софии Ротару и комбайне в полях Татарстана, о соотношении денег и творчества, о правде жизни и парадоксе современного искусства.

Джеймс Бретт — невысокий борзатый мужчина в очках с фиолетовыми стеклами. Он стоит на лестнице красного фургончика без одной стены и с надписью на торце «Разыскиваются неизвестные художники России», где за столом сидят несколько человек, и смотрит, как молодой человек разворачивает перед ним ковер (как потом оказалось, разрисованный красками), который он принес для «выставки №5».

Джеймс, почему работы именно любителей и самоучек?
— Мне всегда нравилось такое искусство. Я поражаюсь, почему в музеях его не показывают. Ведь это такой огромный пласт. Долгое время к такому народному творчеству никто серьезно не относился. Наверное, первым, кто это сделал, был француз Жан Дюбюффе (художник, коллекционер картин, рисунков и скульптуры, созданных душевнобольными, инвалидами, чудаками-одиночками и др., давший этому названию «арт-брют»), то есть грубое искусство. — Ред.

Сегодня во многих профессиях стирается граница между профи и любителем: это относится к актерам, к фотографам. Даже к журналистам. Чем вы это объясняете?
— Вы назвали творческие профессии. Креативность — это то, что, как показывает опыт, учебное заведение дать не может. Думаю, что в нынешнем стрит-арте грани стираются высоким уровнем образованности людей, знания можно пошерстить, отсканить. Кроме того, профессионализм во многих случаях сильно ограничивается. Я раньше снимал фильмы и замечу, что непрофессиональные актеры чаще правдивее играют, чем профессиональные.

Вы проехали по российским городам, чтобы пополнить новую выставку. Чем-то отличаются работы в зависимости от города?
— Отличия есть. Например, в Екатеринбурге искусство более провинциальное, чем в Петербурге. Там много уличных художников, которые творят в наивной манере. В Казани чувствуется много татарских мотивов. Там мы нашли одного человека, у которого одна половина полотен рассказывает о его любви к певиче Софии Ротару, а другая половина — о любви к Татарстану.

Проблема современного искусства в том, что сегодня можно все и это все может быть искусством.

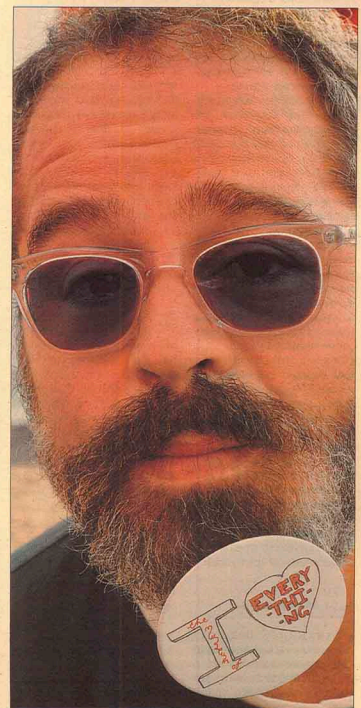

ФОТО: МИХАИЛ УТРИНСКИЙ. А ТАКЖЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ MUSEUM OF EVERYTHING И ЦСХ «ГАРЖА»

Есть мнение, что в современном искусстве больше маркетинга, чем творчества...
— Наверное, я соглашусь. Когда в прошлом веке говорили об искусстве, то сразу представляли себе художника, работы которого выставляются в музее. Сегодня, рассуждая о современном искусстве, говорят о рынке. Этот переход от одного к другому понятен: в мире искусства крутятся немалые деньги, в последнее время коллекционирование стало престижным занятием, есть Интернет, который делает коллекционирование доступным. Мой отец, например, считает, что искусство не стоит больше тех денег, которые потрачены на материалы, ну еще и время. И, знаете, очень часто мне кажется, что он прав.

Знаете, я не понимаю продолжением людей, которых мы открываем. Мы не коммерческий проект. Хотя работы покупают потом и в галереи, и коллекционеры. Полученные деньги нашим художникам, как правило, хватают только на то, чтобы создать новую работу. Моя задача — показывать людям творчество других людей.
Джеймс, что для вас современное искусство?
— Сложный вопрос. Главная проблема современного искусства в том, что сегодня в нашем мире можно все и это все может быть искусством. Другое дело, что многие художники просто очень ленивые. Нередко из одной маленькой мысли они пытаются сделать большое произведение. Когда оно стоит 100 рублей — я смотрю и допускаю, что такое возможно. Но, когда за это произведение просят миллион долларов, я задаюсь вопросом: что это? Где? Что за мир меня окружает и вообще кто я в этом мире? Такие деньги возникают еще и из-за жадности галерей.